

Желание умереть от отчаяния захлестнуло её.

Раньше, если Син Юэ выходила из себя, они с Бу Яо часто ссорились. И дело было вовсе не в скверном характере Син Юэ, просто были вещи, которые она была не в силах терпеть.

В те времена Бу Яо никогда не плакала. Она лишь прибегала к ещё более яростному тону, заставляя Син Юэ подчиниться. В итоге Син Юэ оказывалась в ситуации, когда вся семья, от мала до велика, принималась её уговаривать — потерпеть, проявить понимание, быть великодушной.

Особенно усердствовали родители из клана Бу. Они сладко вещали: Брак — это когда два человека поддерживают друг друга, а не соревнуются, кто победит, и не выясняют, кто выше. Бу Яо всего восемнадцать, она почти всю жизнь проведёт с тобой, разве стоят чего-то такие мелочи?

Слушая это, можно было подумать, что Син Юэ, женившись на восемнадцатилетней юной леди Бу в свои двадцать пять, сорвала огромный куш и получила неслыханную выгоду.

Если бы она действительно могла воспользоваться преимуществами брака с госпожой из клана Бу, это было бы полбеды. Но самое обидное, что никаких плюсов она не видела.

Несколько лет назад компания проводила мероприятие, и один крупный редактор захотел взять у Син Юэ интервью. Син Юэ всегда принципиально не показывала своего лица, когда дело касалось работы, но агент предупредила, что этот редактор весьма влиятелен, и опасалась, как бы Син Юэ никого не обидела.

Син Юэ тогда даже подумала немного похвастаться — ведь она была законной женой госпожи Бу. Но стоило этой мысли промелькнуть, как весть дошла до госпожи Бу. И что же сказала её дражайшая свекровь?

Ты что, такая страшная, что тебя нельзя показывать людям?

Одной этой фразы хватило, чтобы Син Юэ затаила на госпожу Бу обиду как минимум лет на пятьдесят.

Син Юэ всё ещё погружалась в мучительные воспоминания о прошлом браке, когда легкое тепло, коснувшееся её губ, вернуло её в реальность.

Бу Яо обхватила её за шею, действием давая свой ответ.

Син Юэ застыла на пару секунд, прежде чем оттолкнуть Бу Яо. Она сбросила со своих плеч мягкие руки, ухватила это лицо, которое вызывало у неё такую лютую ненависть, и яростно поцеловала несколько раз.

Син Юэ была готова сойти с ума от ярости — ей хотелось просто задушить её и покончить с этим. Она с силой швырнула помаду на стол — удар был настолько резким, что стоящие рядом флаконы и баночки с косметикой подпрыгнули и задрожали. Она сняла увлажняющую маску и принялась наносить солнцезащитный крем и основу под макияж. Возможно, из-за того, что она редко бывала на солнце, её кожа выглядела намного лучше, чем у сверстниц: никаких пятен, морщин или дряблости, хотя было очевидно, что она уже давно не юная девушка.

Син Юэ притворилась, что ничего не замечает, закончила с макияжем и начала надевать серьги, выбрав пару с серебряными кисточками.

Утренний ветерок был прохладным. Син Юэ достала из шкафа одежду на день, прихватила дополнительно верхнюю одежду, бросила всё на кровать и села перед туалетным столиком приводить себя в порядок.

Макияж был почти закончен, она припудрилась, когда внезапно почувствовала, как что-то коснулось её голени — было немного щекотно. Она опустила взгляд и увидела пару изящных ступней, раскачивающихся у неё перед глазами. Пальчики и пятки, словно натёртые румянами, были нежно-розовыми, даже нежнее цветочных бутонов.

Та самая пара обуви, что стояла перед ней, стоила целое состояние: одна только стоимость работы была непосильна для обычной семьи, а уж цена материалов и вовсе не поддавалась воображению. Каждая пара туфель Бу Яо была изготовлена на заказ за границей, существовала в единственном экземпляре и была выполнена из драгоценных материалов. Син Юэ, едва коснувшись их, сразу почувствовала, что ткань необычайно мягкая — такая не натрёт ногу, каблук был устойчивым, а верх выглядел роскошно и элегантно.

Как же у этой женщины, Бу Яо, кожа оставалась такой упругой и нежной? Гладкая, как будто стоит её коснуться, она порвётся, сияющая влагой — если бы она завязала волосы в хвост, её вполне можно было бы принять за старшеклассницу.

Син Юэ поднялась со стула и отправилась в прихожую на первом этаже за туфлями на высоком каблуке, принадлежавшими Бу Яо. Возвращаясь, она всё ещё сдерживала раздражение, но, подойдя к кровати, опустилась на корточки.

Прошлой ночью бушевала сильная гроза, и асфальт снаружи был мокрым, повсюду виднелись лужи разной глубины.

Бу Яо вот так просто вытянула ногу и вложила её прямо в руки Син Юэ:

— Спасибо, жена.

— Не называй меня так, — отозвалась Син Юэ.

Мама говорила, что после просьбы, получив ответ, нужно поблагодарить — тогда Син Юэ не будет сердиться. Бу Яо, сидя на кровати, молчала, покачивая маленькими ступнями. Она

придвинулась ближе к Син Юэ и начала делать движения, похожие на то, как котята перебирают лапками. Те самые ступни, что до этого просто висели в воздухе, начали подниматься по икрам Син Юэ — раз за разом, лёгкими, едва уловимыми касаниями.

— Ты чего? — Син Юэ повернула голову.

У Бу Яо было холодное и надменное лицо, но когда она пыталась выглядеть жалкой, в её облике проступала некая хрупкость, словно у великой звезды, низвергнутой с пьедестала.

Син Юэ отбросила одеяло и забралась под него:

— Спать. Син Юэ надела туфли на ноги Бу Яо и поправила задники.

Бу Яо была слегка недовольна, она нахмурилась:

— Тогда как мне тебя называть?

Спустя десять лет она снова надевает кому-то обувь — Син Юэ сейчас была готова сквозь землю провалиться. Просто наказание какое-то, где именно она свернула не туда? Она быстро поднялась, сделав глубокий вдох. Ее разум затуманился из-за нежности Бу Яо, и она раз за разом шла на уступки.

Нет, так продолжаться точно не может.

Она заговорила:

— Называй мамой. Ты же великовозрастный младенец, которому каждый день нужно, чтобы его кормили с ложечки. Какая еще жена? Зови мамой.

Син Юэ сейчас была крайне раздражена, внутри нее klokотал гнев, который некуда было выплеснуть. Она начала собирать сумку и попутно выставила Бу Яо за дверь:

— Завтра я переезжаю в арендованное жилье, этот особняк продан другим людям. Новое жилье очень старое, обшарпанное и маленькое, так что не вздумай приходить — там нет места, где тебе спать.

Никто и никогда не называл Бу Яо великовозрастным младенцем. Она понимала значение этого слова, и, впервые столкнувшись с подобным определением, тоже разозлилась. Она тихо пробормотала:

— Мама никогда на меня не кричит.

— Твоя мама, конечно, не может на тебя кричать. У нее одна-единственная доченька, которую она лелеет как зеницу ока. Почему она до сих пор не заперла тебя в замке, зачем вообще выпустила? — Син Юэ насмешливо хмыкнула. Она не хотела говорить слишком резко, но сдержалась с трудом. — А если тебя просквозит? Ноги вон болят при ходьбе — тебя нужно

держат в замке, уложив в постель, чтобы сотни слуг окружали тебя, одевали и кормили. А ты бы каждый день только и делала, что ела да спала, лежала бы так до самой старости, проживая счастливую жизнь.

Син Юэ считала, что еще пощадила ее чувства, но для Бу Яо все самые обидные слова, что она когда-либо слышала в жизни, звучали именно из уст Син Юэ. Другие не посмели бы так с ней обращаться: родители Бу Яо давно бы разорвали им рты, а в конце они еще и били бы поклоны, умоляя о прощении.

Видя, что в глазах Бу Яо снова закипают слезы, Син Юэ подумала: если не можешь вынести этого, так хотя бы уйди? Она схватила сумку и осталась холодна до конца:

— Я ухожу. Ты идешь или нет? Если нет, то оставайся взаперти.

Бу Яо поднялась с кровати и быстро застучала каблучками вслед за ней. Она все еще помнила, что Син Юэ больше всего раздражает женский плач, поэтому не осмелилась заплакать, лишь глаза ее были полны стоящих в них слез. Она выглядела еще более жалкой...

Син Юэ указала на нее пальцем, тон ее стал строгим:

— Не смей плакать.

Бу Яо оттолкнула ее руку:

— Я не плачу! Мне просто больно!

Услышав этот возглас, который был громче ее собственного, Син Юэ повеселела:

— У тебя даже есть кому обувь надеть, тебе не приходится выходить босиком, отчего же тебе больно? Ну давай, говори, что именно тебя так ранит?

У этой барышни характер был не из легких. Хотя она не закатывала истерики, как раньше, но это скрытое упрямство тоже могло вывести из себя.

Бу Яо задала встречный вопрос:

— Если бы человек, которого ты любишь, обозвал тебя великовозрастным младенцем, тебе не было бы обидно? Особенно если это женщина, которую ты вчера целовала и обнимала?

Син Юэ на мгновение лишилась дара речи. Стоящая перед ней женщина выглядела еще более обиженной, чем она сама, казалось, ее сердце вот-вот разорвется от горя, хотя именно она — Син Юэ — постоянно отступала и шла на уступки.

Она хотела что-то сказать, но замялась, приоткрыв губы.

Бу Яо внезапно схватила ее за руку. Ее кожа была горячее, словно в лихорадке. Пытаясь утешить саму себя, она кивала, всхлипывала и сбивчиво повторяла:

— М-м, я люблю тебя... люблю Син Юэ... очень люблю, больше всех... сильнее всего на свете люблю Син Юэ...

Ее чувства были такими сильными, ничуть не меньше, чем в восемнадцать лет. Они были подобны облакам, пылающим на вершине горы — такими же яркими и обжигающими, как и ее волосы.

Бу Яо уткнулась в объятия Син Юэ, прижавшись покрасневшим кончиком носа к ее груди, отчетливо чувствуя волнующее дыхание:

— Я тебе очень неприятна?

Она задала этот вопрос снова, и было понятно, насколько важен для нее ответ. В ее голосе сквозило столько боли, что хотя слезы так и не пролились, это было куда трогательнее, чем самый горький плач.

Взгляд Син Юэ дрогнул, и она ответила уже не так уверенно:

— Тоже... не сказать, что очень неприятна.

Ну что же поделать, она никак не могла оставаться холодной.

<http://bllate.org/book/22080/2296104>